

немецких и австрийских рабочих, призванных в вермахт, иностранцами привела к падению производительности труда и снижению качества продукции. Варварская эксплуатация труда военнопленных и заключенных в концлагерях давала незначительный эффект.

Мобилизационные меры, принятые в Германии в 1942–1945 гг., были к тому же запоздалыми. К концу 1942 г. вермахт стал терпеть поражения на всех фронтах. Растущие потери ограничивали его дальнейшие возможности.

Один за другим выходили из войны союзники Германии; вермахт отходил с завоеванных территорий, потери его росли. Достигнув зенита в июле 1944 г., военное производство рейха стало затем сокращаться.

В мае 1945 г. Объединенные Нации добились полного разгрома и безоговорочной капитуляции нацистской Германии. В достижении победы самая большая заслуга принадлежит Советскому Союзу. Он же заплатил войне самую высокую цену.

А.И.Борозняк
Липецк

“ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ТРАГЕДИИ – ЭТО ЕЩЕ И ОПЫТ”
(М.Я.Гефтер о планетарном измерении Войны и Победы)

Уход из жизни знаменитого российского историка и философа Михаила Яковлевича Гефтера (1918–1995) побуждает нас и к сохранению памяти о нем, и к осознанию масштаба его дара, его места в истории отечественной независимой социальной мысли, продолжающей традиции П.Я.Чаадаева, А.И.Герцена, В.С.Соловьева, В.И.Вернадского. В неисчерпаемо богатом творческом наследии Гефтера выделяются его суждения о смысле и опыте Войны и Победы. Ему было что об этом сказать – по праву яростного антифашиста тридцатых годов, по праву тяжело раненного под Ржевом солдата-добровольца, по праву мыслителя, который, как говаривал В.И.Даль, обладает “духовной силой, могущей помнить, судить и заключать”.

У Гефтера было замечательное (и неудобное) качество – умение ставить вопросы, о которые спотыкается современная наука и современная политика. Переживаемый нами сегодня “тяжкий кризис исторических оснований” подвигает к переосмыслению кровотокающего опыта Войны, для чего необходимы, убежден Гефтер, “мужество вопрошания”, “поступок мысли и мысль, обязывающая к поступку”.

Обратимся к его заключительным раздумьям о внутренней противоречивости Победы, о судьбах поколения, одолевшего гитлеровский фашизм, но спасовавшего перед воспрянувшим сталинизмом, поколения, “позволившего себя, победителя, в грязь втоптывать”, разрешившего Сталину “заново привести в действие механизм перманентной гражданской войны”.

У Победы были “человеческие, но также и противочеловеческие черты”, в один узел оказались стянутыми “освободительный порыв и новый натиск обезчеловечивания”. Однако Война не только укрепила сталинский режим, она действиями простых людей подготовила его крушение: “На рассвете 22 июня во всемирную историю вступил непредусмотренный человек. Его звали Василий Теркин”. Теркин – с его мужеством, умом и терпением – был воссоздан поэтом как свободная личность, как воплощение “очеловечивающей стихии”, “стихийной десталинизации”. В роковой час, напоминает Гефтер, наши солдаты “действовали не по правилам режима, а, даже не сознавая этого, вопреки ему, придвигая его к самоисчерпанию”.

К текстам Гефтера, к самому ходу его мысли надо бы прислушаться еще и потому, что мифы и схемы сталинского времени сегодня нередко замещаются антимидами и антисхемами, основанными на “методе избирательных разоблачений” и таящими в себе угрозу “эпидемии исторической невменяемости”. Широко распространенные попытки свести события Войны к схватке двух тоталитарных режимов равнозначны забвению народного подвига, совершенного, по слову А.Т.Твардовского, “ради жизни на земле”.

Тоталитаризм – одно из главных наваждений XX в. Необходимо понять его глубинную сущность, что означает, считает Гефтер, “рассекретить тоталитаризм”, “раскрыть его преодолением”. Природа тоталитарных режимов едина. В основе “всемирных выбросов нацистской Германии и сталинской России” лежит, по мнению ученого, тенденция к “катастрофе всеобщего выравнивания”, тяга к “окончательному решению” (будь то раскулачивание или холокост), к выкорчевыванию всего человеческого. Тоталитарные режимы – это попытка подтолкнуть род *Homo sapiens* к “границе между увековеченным прекращением истории и всеобщим самоубийством”. Но именно на человеке и оступились гитлеризм и сталинизм, именно здесь их возможности оказались ограниченными.

Сопоставление тоталитарных режимов возможно и плодотворно. Но ныне, когда у иных литераторов нет и тени сомнения в отождествлении большевизма и национал-оциализма, мы – невпопад! – слышим отрезвляющий голос Гефтера: “В случае с

тоталитаризмом коренная трудность (или, по крайней мере, одна из главных трудностей) состоит в том, что само понятие это имеет в виду не какую-то конкретную реальность, а специфически общие черты разных исторических “тел”, у каждого из которых своя родословная, не совпадающий по времени, да и по сути, генезис”.

Не совпадают и финалы двух тоталитарных режимов. Но преодоление тоталитарного прошлого Германии и России есть продолженная во времени Победа 1945 г. Перед нами разорванные в хронологии акты единой планетарной драмы, различные составляющие процесса самоосвобождения, самоочищения человечества. Агония тоталитарных режимов, предупреждает Гефтер, “это наше вчера и наше сегодня”.

Антинацистский триумф, эхо которого не смолкает уже полвека, не был превращен в справедливую систему международных отношений. Ялтинско-потсдамское мирное урегулирование страдало, по определению Гефтера, “атавизмом средств, употребленных для осуществления цели, близкой к мечте (и идее) вечного мира”.

Удастся ли нам и последующим поколениям добиться сопряжения исторических судеб народов Земли (Евразии прежде всего), построить между ними согласие животворящих различий, в рамках коего они – врозь и вместе – станут неотъемлемой частью (вспомним формулу Гефтера) “многосоставного и многоосновного человечества”, компонентами “Мира миров – соседствующих и взаимодействующих”?

По убеждению Михаила Яковлевича Гефтера, “истинно человеческие трагедии – это еще и опыт. Опыт гибнущих. Опыт опомнившихся. Опыт тех, кто перед лицом уничтожения осуществил выбор – выбор сопротивлением”.

Ф.Я.Показаньев
Сургут

СУРГУТЯНЕ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В отечественной историографии можно выделить два подхода к оценке итогов Великой Отечественной войны. С одной стороны, безудержное, не допускающее никаких возражений и критических замечаний восхваление мудрости и непогрешимости руководства страны и высшего командования Вооруженных Сил, личных подвигов и массового героизма солдат и офицеров. С другой стороны, клевета на советский государственный и об-